

ПАВЕЛ БЕРЕХСЕВИЧ

ШЕПОТ БОТА

Павел Беренсевич

Шепот бота

Москва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69298804

Шепот бота / Павел Беренсевич; пер. с польского С. Арбузовой: Белая ворона / Albus Corvus; Москва; 2023
ISBN 978-5-001141-62-4

Аннотация

Филип и его друзья обожают футбол. Когда становится известно, что финал Лиги чемпионов состоится в Варшаве, ребята решают во что бы то ни стало попасть на этот матч. А также заработать денег на билеты. Они начинают раздавать рекламные листовки, однако такая работа приносит гроши. И они с радостью соглашаются вступить в «Отдел поддержки решения потребителей». Завести сотню-другую аккаунтов, писать с них отзывы на сайтах – это ли не работа мечты? Филип пытается обмануть свою совесть: их реклама никому вроде бы не вредит, а может даже и помогает. Услышать голос совести мешает и внезапная влюбленность. Какие уж тут раздумья, если у тебя просит помощи девушка? Автор показывает различные точки зрения и дилеммы, с которыми сталкиваются «шепчущие», но не дает простого ответа на вопрос, где именно проходит нравственная граница. Он побуждает быть бдительными в мире

постправды, раскрывает механизмы управления рекламой и суть маркетинговых стратегий.

Павел Беренсевич – писатель, поэт, переводчик, лексикограф. Он пишет романы, рассказы и стихи для детей. Лауреат премии «Гулливвер», литературного конкурса Польской ассоциации книгоиздателей, премии имени Корнеля Макушиньского. Окончил Варшавский университет, работал учителем английского языка в средней школе. Издает книги для детей с 2004 года. Его книги – для современных детей, с их современными проблемами, не всегда очевидными для взрослых.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	28
Глава третья	37
Глава четвертая	53
Глава пятая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Павел Беренсевич

Шепот бота

Перевод с польского
Светланы Арбузовой

The original title: Szeptane
© Copyright by Paweł Beręsewicz, 2018

Cover design by Monika Pollak

Published by arrangement with Wydawnictwo Nasza
Księgarnia Sp. z o.o.

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS

© Светлана Арбузова, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на рус-
ском языке, 2023

Глава первая

– А может, пиццы? – сказал я, включая все свое обаяние и вытаскивая из стопки цветной флаер.

Женщина бросила на меня сердитый взгляд и взмахом руки прогнала с дороги.

– Мерзкая тетка! – буркнул я себе под нос и злобно посмотрел ей вслед.

– Какая пицца, дурень? – рассмеялся Бартек.

Я посмотрел на листовку. Действительно, не пицца. Пиццу мы раздавали вчера. Самую вкусную, самую дешевую и самую итальянскую. Сегодня был «Слимо...»? Чего? Я поднес листовку ближе к глазам.

– Что такое «Сли-мо-микс»?

– А я знаю? – Бартек пожал плечами. – Шеф сказал, что это корм для слизней, но, думаю, пошутил.

Серое февральское утро медленно разгоралось, но на настоящему ясный день можно было не рассчитывать. Сонная толпа выливалась из метро и растекалась по дну небольшой площади, которую жители Варшавы называют «Сковородкой». Там поток людей делился на ручейки, которые постепенно впитывались в город. Влажная холодная серость залезала за ворот куртки, под футболку, чтобы согреть замерзшие лапы на моей чуть теплой спине. Капюшон на голове? Исключено! Честный и открытый взгляд – основа на-

шей профессии. Какое доверие чуваку в капюшоне, предлагающему «Слимомикс»? Я тяжело вздохнул. Стопка в моей руке по толщине могла тягаться с четвертым томом «Гарри Поттера», а в рюкзаке лежали еще две такие.

– Рекомендуем «Слимомикс», – щебетал в паре шагов от меня Бартек и с профессиональной улыбкой махал перед носом прохожих цветным листочком.

Чуть дальше, у входа в метро, раздавал листовки Яцек, а Ушастый работал около лестницы в направлении Иерусалимских Аллей. Чтобы расширить охват нашей сети, я передвинулся в сторону Маршалковской улицы и встал в нескольких метрах от барабанщика, который с самого утра молотил по пустым банкам, ведрам и ножкам стульев в надежде, что энергичная долбежка хоть ненадолго вытащит прохожих из утреннего транса и вынудит сбавить шаг.

– «Слимомиксик» специально для вас. – Я подал листовку женщине в развевающемся пальто и со стаканчиком в руке.

Маневр на высоких каблуках дался ей легко, и она обошла меня, как Месси – застывшего на месте защитника. Таких Месси вообще было больше всего – некоторые даже успевали во время обводки помотать головой и сказать «спасибо». Большую группу составляли также те, кто брал флаер и, не читая, запихивал в карман, где грудились предыдущие, не выкинутые со времен последней стирки. Нередко, конечно, листовки превращались в комки бумаги и еще на моих глазах заканчивали свой путь в урне или на серой плитке.

К счастью, хотя и редко, случалось, что какой-нибудь прохожий бросал взгляд на текст, и хорошее предложение неожиданно сталкивалось со спящим внутри него желанием, отчего в глазах сразу загорались искры. Это были те минуты, когда я вынужден был признать, что в жизни помимо сорока злотых за тысячу штук важно также удовлетворение от работы.

– Ты правда думаешь, что мне это нужно? – Спросила девушка, которую я настиг, когда она неосмотрительно задержалась около безумного барабанщика.

На плече у нее была полотняная сумка с белым котом на черном заборе, а из-под шерстяной шапки а-ля извержение вулкана ниспадали на плечи слегка волнистые пряди волос. Они были очень странного цвета, который я, отчетливо ощущая несовершенство языка, признал одним из миллионов возможных оттенков рыжего. На вид она была ученицей лицея¹. Девушка повертела в пальцах листовку, недоверчиво посмотрела на пустую оборотную сторону, смешно сморщила нос.

– Несомненно, – сказал я уверенно. – Это лучший продукт на рынке.

– А как он работает?

– Великолепно.

¹ Лицей в Польше – учебное заведение, примерно соответствующее последним классам средней и старшей школы в России. Обучение в лицее продолжается четыре года и заканчивается сдачей государственного экзамена, аналога российского ЕГЭ. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Ты пробовал?

– Ну конечно!

– И что?

– Высший класс!

Она критически осмотрела меня и саркастически надула губы.

– Ну да, вижу, – прыснула она и направилась в сторону подземного перехода.

Сделав несколько шагов и даже не глядя в мою сторону, она взяла листовку со «Слимомиксом» двумя пальцами и отточенным движением киношной леди-вамп бросила ее за спину. Мне пришла в голову идиотская мысль, что эта бумажка ни за что на свете не должна оказаться на земле, я рефлекторно метнулся вперед и в последний момент у самой плитки подхватил летящую вниз листовку. «Эликсир стройности! – кричали красные буквы. – Лишние килограммы? “Слимомикс” разберется с ними!»

«Ах вот в чем дело!» – дошло, наконец, до меня. Я посмотрел вслед удаляющейся девушке. У нее определенно не было килограммов, от которых стоило бы избавляться. Я почувствовал странное тепло на лице, а потом накатила волна обиды.

– В смысле «да, вижу»? – пробормотал я и положил руку на живот.

Не то чтобы он был плоский, но все не так плохо.

Флаеры мы раздавали по вторникам и четвергам. В эти дни нам надо было к третьему уроку, и утром мы могли постоять на «Сковородке». После работы мы прыгали в метро и мчали в школу. Мы учились в двух шагах от станции «Рацлавичская», и нам даже часто удавалось не опоздать.

Когда я впервые услышал, что Бартек устроился на эту работу, то решил, что он сбрендил. Вставать в четыре утра? Тащиться по темным вонючим подземельям? Впаривать листовки спящим зомби? Наверное, он головой ударился.

Или безумно чего-то хочет.

О том, что финал Лиги чемпионов пройдет на «Национальном стадионе» в Варшаве, мы узнали еще несколько месяцев назад. А точнее, пятнадцать. Эта новость обрушилась на нас, как только я вернулся из Лондона. Мы с родителями провели там два года, мама работала в английском филиале фирмы. Это были мои первые недели в гимназии². Я сразу пошел в третий класс, ведь первые два года обучения прошли в Англии. О матче Яцек узнал по радио и прибежал в школу в сильном возбуждении.

² Гимназия – до 2019 года образовательное учреждение в Польше, примерно соответствующее уровню 6–8 классов средней школы в России. В гимназии учились три года, после окончания можно было поступить в лицей. Сейчас классы гимназии входят в восьмилетнюю программу базового школьного образования.

– Видишь? – он дернул меня за рукав. – У нас такое тоже бывает!

Бартек и Ушастый вернулись из своих гимназий тоже хорошо осведомленными, и с самого начала первого класса лица тема Матча столетия стала одним из основополагающих элементов нашей дружбы. Разговор происходил примерно так:

– Подумать только, буквально в шаге от нашей школы будет бегать Роналду, – вздыхал Ушастый.

– Ну... или Левандовский, – добавлял я патриотично.

– Или Садио Мане, – Яцек болел за «Ливерпуль».

– «Ливерпуль» в финале? – прыскали мы хором, а он надувшись бурчал:

– Что? И помечтать нельзя?

Но даже Яцек считал, что и в мечтах есть предел наглости. Отсюда шок, который он, как и я и Ушастый, пережил однажды в начале января.

Мы сидели в столовой – вся наша четверка из первого «Д» – и не спеша ели томатный суп. Разговор на этот раз шел о культуре, а не о спорте. Точнее, мы обсуждали, возможно ли, чтобы Рей была потерянной сестрой Кайло Рена. Ушастый утверждал, что всё на это указывает, но Яцек был с ним не согласен. Внезапно Бартек встрепенулся и выпалил:

– А если взять и пойти на этот матч?

Наши ложки застыли в воздухе. Вопрос прозвучал неожиданно, но мы поняли, о чем речь.

«Этот» матч мог быть только один, и, даже проходи он в далекой-далекой галактике, мы бы поняли, о чем речь. Бартек смотрел на нас уверенно, будто бросал вызов всем невозможным вещам в мире, а слегка выдвинутая нижняя челюсть указывала на его решительность. Всего один скачок в гиперпространство, и вот мы уже вернулись обратно.

– Как это?! – выдавил я.

– Обыкновенно, – пожал плечами Бартек. – Поедем на метро до стадиона.

– А билеты?

– У вас проездного нет?

– Ой, хватит! – разозлился Ушастый. – Где ты возьмешь билеты на матч?

Бартек скорчил рожу, показывающую, сколько нужно усилий для объяснения баранам таких очевидных вещей.

– Купим? – сказал он с саркастически вопросительной интонацией.

Сто шестьдесят евро – кажется, столько будет стоить самый дешевый билет. Ушастый проверил курс в смартфоне (4 злотых 33 гроша), открыл калькулятор и побледнел, увидев сумму.

– Шестьсот девяносто два злотых восемьдесят грошей! – простонал он.

Честно говоря, я испытал облегчение. Сумма казалась настолько космической, что я мог с чистой совестью не предлагать никаких решений.

– Прекрасно, – язвительно пробурчал я. – Восемьдесят грошей у меня уже есть.

Показывая, что тема закрыта, я вернулся к томатному супу, Яцек и Ушастый последовали моему примеру. Но тема не была закрыта. Бартек тщательно все продумал. Сказал, что тоже в деньгах не купается, но зато знает, как заработать. Тогда он и предложил раздавать флаеры. Он сам занимался этим уже несколько недель и клялся, что это мечта, а не работа.

– Тебе ничего не нужно делать, – расписывал он. – Стоишь, раздаешь. А денежки капают.

Не буду врать, такая перспектива показалась мне даже заманчивой – особенно с маячащим на горизонте Национальным стадионом – только вот вставать на работу к пяти утра мне не очень хотелось.

– Ну не знаю, – проворчал я. – Потом весь день в школе буду спать.

– А так ты не спишь?

Это он намекал на тот дебильный мем со мной в главной роли, который сначала болтался по дружеским страницам на «Фейсбуке», а потом, кажется, даже сделал карьеру во всей сети. На фотографии я сидел в классе с закрытыми глазами и выглядел так, будто внезапный скачок силы притяжения потянул все мягкие ткани моего лица к центру земли. Картинку дополняла подпись: «Баю-бай, усни, малыш / Свой пример во сне решишь». Я понятия не имею, когда Ушастый сделал

эту фотку, но точно не на математике. Условия для сна на ней так себе. Единственный предмет, на котором можно было вздремнуть – хотя, конечно, я не спал, – это английский.

Дело не в том, что уроки были чересчур нудные, уровень преподавания крайне низкий или я какой-то сильно одаренный – просто за два года в английской школе каждый бы выучил язык. Сотни раз я объяснял, что на снимке пойман момент, когда я моргнул – ну, может еще зевнул в придачу, – но ведь не спал! Без толку. Интернет лучше знает. «Спящая красавица из 1 Д» – это еще не самое обидное прозвище.

– Очень смешно, – привычно огрызнулся я. – А сколько можно на этих листовках заработать?

Бартек утверждал, что чувак, на которого он работает, платит четыре гроша за штуку, за час можно получить до двух десятков! Я быстро подсчитал, что если два дня в неделю раздавать с семи до десяти (третий урок, правда, начинается без пяти десять, но всегда есть способ выкрутиться), то за неделю можно заработать сто двадцать злотых, умножаем на девятнадцать недель, которые остались до финала Лиги чемпионов... (я еще раз проверил, все ли в порядке с калькулятором) – две тысячи восемьдесят злотых!

– А что нужно рекламировать? – внезапно спросил Яцек, настолько не в тему, что даже мы, привыкшие к его странностям, зависли.

– Да какая разница, Святоша?! – взорвался Бартек, а мы с Ушастым стали усердно разглядывать все вокруг, чтобы

скрыть улыбки.

Кликуха «Святоша» прилипла к Яцеку не случайно. Густые светлые волосы, спадающие на лицо вопреки всем попыткам зачесать их набок, голубые глаза с поволокой, пухлые губы, чуть изогнутые в мягкой улыбке – ему только нимба не хватало. Но канонизировать его можно было бы не только за внешний вид. В комплекте шли обязательность, пунктуальность, честность и серьезность, с которой он взвешивал моральные последствия любого шевеления пальцем. Казалось, что и его фамилия – Святек – тоже неспроста.

– Ну... не знаю... – Он покраснел. – Но ведь некоторые вещи глупо рекламировать, не?

– Например, какие? – спросил я.

– Ну... ну... – он отчаянно подбирал примеры и все больше краснел.

– Послушай, бро, – начал Бартек. – Мы тут дилерами собираемся стать или флаеры раздавать? Пожалуй, есть разница, а?

– Ну... есть, но...

– Реклама – двигатель торговли, – сказал я, к месту вспомнив фразу.

Видя, что наши аргументы отскакивают от Яцека, не оказывая должного воздействия, мы с надеждой посмотрели на Ушастого. В области убеждения неубеждаемых ему не было равных. Ушастый занимался этим практически профессионально. С тех пор, как я с ним познакомился (и насколько

ко я знаю, даже раньше), он участвовал в самых разных кампаниях на «Фейсбуке». В последнее время он был увлечен акцией «Стоп марафон». Он даже рассчитал, что участники Варшавского марафона во время бега сжигают семнадцать миллионов шестьсот тысяч килокалорий, которых, если тратить их не так бессмысленно, хватило бы на то, чтобы в течение года кормить пятьдесят детей в Африке. Этот аргумент окончательно убедил меня отказаться от бега. Сейчас нам было необходимо что-то не менее мощное, чтобы сломить сопротивление Святоши.

Ушастый – миниатюрный щекастый брюнет с вечно озабоченным лицом маленького профессора – поправил на носу огромные очки и ответственно приступил к делу.

– А репетитора по математике ты как нашел, Святоша? – мягко спросил Ушастый, и Яцек неохотно подтвердил, что благодаря листовке.

– А репетитора по химии там, случайно, не было? – продолжал Ушастый.

– Ну, был.

– А почему ты не ходишь на химию?

– Потому что мне не надо. – Пожал плечами Яцек.

Глаза Ушастого триумфально заблестели.

– Видишь? – Он ткнул в Святошу указательным пальцем. – Ты сделал вы-бор! Математику хочу, химию не хочу. У человека всегда есть выбор. С помощью флаера ты просто доносишь до него ин-фор-ма-ци-ю, а он делает выбор. Ты

принуждаешь его что-то делать?

– Нет, – проворчал Яцек.

– Вот именно. Тогда почему бы не раздавать людям какие-нибудь листовки? Ты хочешь решать за них?

– Ну нет, – Яцек съежился, и его голос стал не громче ветерка на лугу.

Зато Ушастый рос на глазах. Голос его крепчал.

– Ты хочешь отнять у них свободу?! – гремел он. – Право на информацию?! Достоинство?!

* * *

Я не был уверен, что чье-либо достоинство может пострадать из-за какого-то клочка бумаги, но, признаюсь, речь Ушастого произвела на меня впечатление. Самое главное – она попала в цель. Так что когда в январский вторник, еще по темноте, с термосами чая в рюкзаках мы впервые отправились на работу, Яцек был с нами.

В это время года Лига Чемпионов впадает в зимнюю спячку между групповым этапом и началом плей-офф, но плакаты и билборды на улицах Варшавы уже приглашали на финал, который состоится в мае. Под одним из таких билбордов, около магазина с товарами народного промысла, стояла белая «Октавия-комби», на которую Бартек указал, как только мы вышли из подземного перехода. На заднем стекле автомобиля была наклейка «DRABMEDIA – маркетинговые

услуги. Петр Драбовский», а внизу номер телефона и электронный адрес. Когда мы подошли, из машины вышел мужчина лет сорока – как оказалось, владелец и шеф фирмы. На нем был длинный черный плащ, а под ним черный костюм и розовая рубашка в полоску. Рассматривая нас, он потирал ладони, будто пытался их намылить. Заметив на его руках перчатки, я невольно подумал про отпечатки пальцев.

– Всего трое? – недовольно проговорил он.

– Трое, зато какие, шеф, – уверенно произнес Бартек, многозначительно подмигивая нам.

Мы скромно потупились.

– Они знают, что делать? – спросил шеф.

– Я рассказал. Знают.

– Знают, сколько денег?

– Знаете? – спросил Бартек, и мы кивнули.

– А знают, что будет за дубли и мусорки?

Мы вопросительно подняли глаза, но Бартек жестом успокоил нас и слегка поморщился.

– Речь о том, чтобы не давать по два флаера в одни руки, – объяснил он. – И, конечно, не выкидывать то, что не раздали.

– У меня есть люди, которые за этим следят, – предостерег шеф. – Если я поймаю кого-то на вранье...

Он сделал паузу и провел ребром черной ладони себе по горлу.

– Я пошутил, – заржал он, заметив наши округлившиеся глаза. – Будете юлить – чао, бабки, еще и с работы выкину,

всё поняли?

Драбовский записал нас в свой планшет, из коробки в багажнике вытащил пачки листовок, перетянутые бумажной лентой, вручил каждому по пять и указал количество рядом с фамилиями. Тысяча листовок на три часа – фигня.

– А можно больше? – спросил я разочарованно.

– Сначала эти попробуй, – хмыкнул шеф и сел обратно в «Октавию».

Двадцать злотых в час – заявлял Бартек. По четыре гроша за штуку. Получалось около восьми листовок в минуту. Я воодушевленно принялся за работу. Моя первая листовка досталась пожилому мужчине в коричневом пальто. По его виду не скажешь, что ему нужна депиляция сахарной пастой, но, безусловно, я не мог утаивать от него такую возможность. Через десять минут моя первая пачка листовок похудела на двадцать штук – на шестьдесят меньше, чем я ожидал. Я с беспокойством оглядел «Сковородку». Ближе всех был Яцек. Он стыдливо улыбался и протягивал прохожим флаеры.

– Я не уговариваю, – говорил он. – Просто информирую.

Не похоже было, что заспанные люди массово желали воспользоваться своим правом на информацию.

В десять я вернул шефу три непечатые пачки. Сложно сказать, было ли легкое движение его верхней губы тенью ироничной улыбки или же обычной мимикой. В сущности, неважно, потому что для первого дня работы с меня и так

было достаточно этих глупых листовок. Четыреста штук за три часа! Вставать до рассвета, торчать на морозе, терпеть кислые мины эгоистов, которым лень даже руку протянуть, чтобы спасти ближнего, и все это за шестнадцать злотых? И так в два раза больше, чем у Яцека, – утешал себя я. Но как Бартеку и Ушастому удалось раздать по тысяче? Этого я совершенно не мог понять.

– Нужно иметь подход, бро, – объяснял мне Бартек, когда мы ехали на метро в школу. – Нужно улыбнуться, доверительно заглянуть в глаза, вот и все. Немного подсластить, понудеть или состроить щенячью морду и надавить на жалость. Немного умных слов не повредит: «ученые доказали», «эксперты убеждены», «мир сошел с ума из-за...», «эффект превзошел самые смелые...»

Я решил дать листовкам еще один шанс. Во второй половине дня я сел за комп, чтобы немного расширить свои знания из области шугаринга. В конце концов, информация поможет мне быть более убедительным, а значит, эффективным.

Депиляция с использованием сахарной пасты, как я узнал, более современный метод, нежели восковая. Для нее используют специальную пасту, полностью состоящую из натуральных ингредиентов (сахар, вода, лимонный сок, травы). Такая процедура менее болезненна, поскольку паста прилипает не к коже, а только к волоскам. Пасту можно наносить несколько раз на одно и то же место, что повышает ее эф-

фективность. Средство наносят против роста волос, поэтому оно проникает максимально близко к волосяным фолликулам, а потом удаляют волоски по направлению их роста, что позволяет полностью от них избавиться.

– Какая гадость! – воскликнул я после всех этих открытий.

Однако быстро взял себя в руки и продолжил изучение темы. Я выписал на бумажку несколько текстов, которые можно было использовать в работе, и пошел в ванную репетировать перед зеркалом.

– Плотно облегает волоски, – сказал я бархатным голосом и сложил руки на груди, будто пытался спрятать маленькую птичку от жестокого мира.

– Паста не прилипает к коже, – я скривил рот и зашипел, изображая страдание, которое придется испытать, если остаться верным методу, при котором прилипает.

– Полностью состоит из натуральных ингредиентов, – грациозным жестом дирижера я подчеркнул легкость косметической симфонии.

– Средство наносится вплотную к корням волосков, – я хотел еще потренироваться откидывать рукой челку, но тут зазвонил домофон.

Я выглянул в окно. Перед калиткой стоял велосипед. Из-за столбика ограждения была видна только рука его владельца, но я и так знал, что это Яцек. Он жил на моей улице, через два дома, но даже эти несколько десятков метров он про-

езжал, а не проходил. Я смеялся над ним, мол, вытаскивать велик из гаража в два раза дольше, чем идти ко мне пешком, но он лишь пожимал плечами. Он просто любил своего коня.

– У тебя нет сахарной пудры, а то у нас кончилась? – спросил он прямо у забора без лишних приветствий и вступлений.

Я впустил их внутрь – велик и его самого – и пошел на кухню.

– Ты не мог в магазин съездить? – спросил я, возвращаясь с бумажным пакетом.

– Но мне нужно быстро, потому что паста получилась слишком жидкая.

Только теперь я заметил в руках Яцека металлическую баночку. Видимо, он ехал по нашим колдобинам, держа руль одной рукой. Он протянул мне банку, и я заглянул внутрь – там была мутная жижа.

– Что это? – скривился я.

– Сахарная паста.

– Зачем?

– Как зачем? – оскорбился он. – Для депиляции.

Я ошарашенно вглядывался в друга и пытался понять, не шутит ли он. Но ведь второе имя Яцека – Серьезность. Он явно недоумевал, что тут может быть непонятного.

– Я просто хочу попробовать, вот и все, – сказал он. – Я ведь не могу втирать людям, что оно работает, если не знаю, так ли это.

– Но там же написано «протестировано дерматологами»! – попытался я возразить.

– Это не значит, что работает, – заявил Яцек.

– Но косметологи советуют!

– Это не значит, что работает, – упирался он.

– Но это самый популярный способ депиляции!

– И все равно это не значит, что работает. Подсыплешь?

В отчаянии я бахнул ему в миску полпакета сахарной пудры. Он заглянул внутрь и сделал пальцем движение, будто собирается размешать содержимое. Потом задумался и спросил, не одолжу ли я ему ложечку. Мы пошли на кухню, там он долго и старательно вымешивал свою массу. Видимо, он был недоволен: как-то странно наморщил брови.

– Теперь снова слишком густая. Может, подлить воды, как думаешь?

Я пожал плечами и пробурчал, что в интернете писали что-то о лимонном соке. Услышав это, Яцек просветлел и триумфально ткнул в меня пальцем.

– Ага! – закричал он. – То есть ты тоже проверял в интернете! Видишь? Тебе тоже неловко втюхивать кому-то что-либо без проверки.

Я пытался выкрутиться, что это просто из любопытства, но он и слушать не желал.

– Хорошо, хорошо, – ответил он. – Так есть лимон?

Я вытащил из холодильника пол-лимона и выдавил в миску сок. Яцек еще немного помешал, набрал немного массы

в ложку, наклонил ее.

– Ну что? – спросил я.

– Кажется, хорошо.

– Откуда ты знаешь?

– Если стекает, то слишком жидко, если падает – слишком густо, – объяснил он. – А тут и не стекает, и не падает, значит, в самый раз. У тебя травы есть какие-нибудь?

– Точно, там было что-то про травы, – вспомнил я.

В ящичке в подписанных баночках у мамы хранились орегано, базилик, эстрагон, розмарин, тимьян, укроп, тмин, майоран, любисток, кориандр и чабер. Мы бросили в пасту по щепотке каждой травы. Масса потемнела и, загустев, стала выглядеть настолько омерзительно, что, пожалуй, могла быть эффективной.

– Что будешь депилировать? – спросил я.

– Ну... не знаю, – пробурчал Яцек, и я внезапно заметил, что он смотрит на мою верхнюю губу.

Там потихоньку росли недо-усы, и от одной только мысли, что кто-то может на них покуситься, я сильно разнервничался.

– Даже не думай! – я прикрыл лицо рукой. – На Галоше потренируйся.

У Галоша было, что эпилировать. Йорки вообще могут похвастаться довольно густым волосяным покровом, а уж этот, из семьи Святеков, особенно выделялся. Яцек, однако, отказался от моей идеи. Он тяжело вздохнул и с кислой

миной закатал левый рукав. На его предплечье, если приглядеться, можно было обнаружить редкий светлый пушок. Кончиком ложки он нанес немного сахарной пасты на руку и размазал пальцем. Сел в кресло, оперся локтем и стал ждать. Повисла странная, пугающая тишина. Мы вглядывались в зеленое пятно на его светлой коже, и в какой-то момент мне показалось, что я вижу первые бледные струйки дыма. Вероятно, мне все-таки показалось, поскольку у Яцека не дрогнули ни один мускул.

– Пора? – спросил он через некоторое время.

– А я откуда знаю? – огрызнулся я.

Он подождал еще две минуты, подошел к раковине и смыл пасту с руки. Мы осмотрели продепилированное место. Потемневшие от воды волоски нельзя было не заметить.

– Может, их стало поменьше, а? – грустно спросил Яцек.

– Может, немного, – неуверенно сказал я.

Яцек уходил хмурый. Я убеждал его, что, видимо, мы добавили не те травы, а эксперты в области косметологии все-таки знают, что делают. Яцек не поддавался. Он всерьез думал отказаться от работы. Брел с велосипедом к калитке, уныло опустив голову. Даже банку забыл.

Вечером он позвонил мне. По телефону голос звучал радостно и оптимистично.

– Слушай, – воодушевленно сообщил он. – Я знаю, что буду делать. Я буду говорить, что это безболезненный метод. За это я ручаюсь. Проверил на собственной шкуре. Это же

ОК, правда?

– Пожалуй, да, – пробурчал я, покрутив пальцем у виска, благо Яцек этого не видел.

На следующий день мы раздавали отель «Зубр» в Бело-вежской пуще. Тишина, покой и свежий воздух гарантированы.

Глава вторая

Вообще-то мой живот мне нравился. Ну, может, нравился – громко сказано, но я точно не питал к нему отвращения. Он был мягкий, слегка округлый, но не трясся на бегу, не мешал завязывать шнурки. Ни гордость, ни позор – живот как живот. Поэтому, хотя рыжая девочка со «Сковородки» исчезла в пасти перехода под перекрестком Иерусалимских аллей и Маршалковской, ее язвительный намек на мой якобы жирок засел в голове и раздражал, как камешек в ботинке. А еще я не мог понять, почему меня так задела дурацкая подколка совершенно постороннего человека. Да она просто меня разозлила! Что о себе возомнила эта дохлятина? Думает, она может вот так насмеяться над чужой фигурой? К тому же под курткой сложно было что-либо заметить.

От злости я решил немного потренироваться. «Я покажу Рыжей, что такое рельефный пресс», – думал я. Если, конечно, когда-либо ее увижу. Такая возможность не исключалась. Раз тогда рано утром она выходила из метро и шла по «Сковородке», вероятнее всего, это ее ежедневный маршрут. С тех пор я каждый день внимательно всматривался в прохожих поверх стопки листовок с английским за три недели и уничтожением насекомых. Однажды в толпе мелькнуло рыжее пятно под шапкой-вулканом, но ближе к Ушастому, чем ко мне, а покидать пост мне было нельзя. Потом я убеждал

себя, что это вообще могла быть не она, а даже если она, я бы все равно не знал, как начать беседу. Не говоря уж о том, что кубики на животе еще не были готовы.

– Коучинг, гайдинг и менторинг! – повторял я, призывая самого себя к порядку.

Однако вскоре я снова ловил себя на том, что вглядываюсь в лица прохожих.

Однажды, кажется, во второй половине февраля (в любом случае у нас был уже довольно большой опыт в раздавании листовок), Драбовский вытащил коробку из багажника «Октавии» и сказал:

– Ну, господа, сегодня мы поможем похудеть этой нации толстяков.

Я взял свою порцию, посмотрел на флаеры, и у меня кольнуло в животе. «Слимомикс!» – прочитал я. Как тогда! Я вспомнил бумажку, падающую, как осенний лист, и пламя волос, гаснущее в темноте перехода. Я подумал, что вполне может статься, что эликсир стройности и рыжая девушка появляются в моей жизни в один день. Конечно, я не верю в приметы и знаки, но раздача листовок не слишком интересное занятие, можно иногда разбавить его каким-нибудь дурацким развлечением.

Я встал там же, где и всегда, сорвал с пачки резинку и погрузился в раздачу флаеров, параллельно ведя наблюдение. Как всегда, мимо меня проходили полчища заспанных лиц, может, уже немного менее бледных, чем пару недель на-

зад, может, смотрящих на мир чуть более приветливо, но все еще безразличных к тому, что я намеревался им дать. Среди них были лица красивые, молодые, грязные, милые, помятые, умные, заросшие, пустые, покрашенные и бандитские. Были и знакомые. Студент – худой очкарик с сумкой-почтальоном, перекинутой через плечо, и миллионом умных мыслей на лице – как по часам, в четверть восьмого. Потом Трактор – молодая мама с маленьким ребенком, он тянул ручки к моим листовкам, а она его решительно оттаскивала. Ближе к восьми часам Ультрас, готовый навалить первому встречному. Старичок с палкой и полиэтиленовым пакетом. Последний плелся так медленно, что я смог преградить ему дорогу и спросить:

– Не желаете ли эликсир стройности?

Как всегда, он повесил палку на руку, взял флаер, внимательно прочитал и отдал мне обратно.

– Нет, нет, это вам, – я мило улыбнулся.

– Мне? Спасибо, молодой человек.

Старичок отошел, хоровод знакомых лиц крутился дальше. На удивление, не было Будильника, румяной женщины-колобка, которая, проходя мимо меня, всегда кричала в трубку: «Ты уже встал? Ну слушай, уже пять минут девятого!» – зато неизменная Ароматная, благодаря которой с восьми десяти до восьми двенадцати над «Сковородкой» витал запах цветущего луга. Время Рыжей, скорее всего, уже прошло, но я автоматически продолжал рассматривать лица.

Прошли двухметровый Баскетболист, Мисс Пирсинг, Двойник Бибера и Спринтер. Около девяти передо мной возник грустный мужчина в куртке гнилостно-зеленого оттенка. Его я видел впервые.

– Как тебя зовут, парень? – спросил он.

Ему было лет пятьдесят или больше. Волосы с благородной проседью, узкий заостренный нос, кончик которого, подобно стрелке компаса, стягивал к себе все, что только можно было стянуть на лице. Брови, губы, щеки, лоб – ни одна из нескольких десятков крохотных мышц не выглядела расслабленной, будто их держала в постоянном напряжении грусть, усталость или непрекращающаяся зубная боль. Он так удивил меня этим вопросом, что я послушно ответил:

– Филип. А что?

– А ты вообще знаешь, в чем участвуешь, Филип? – мягко спросил он.

– Ни в чем я не участвую! – оскорбился я. – Я просто раздаю листовки.

– А ты знаешь, что на этих листовках? – Его голос будто доносился из-под земли, и, хотя в нем не звучала угроза, я почувствовал дискомфорт.

– Какой-то «Слимомикс», – нервно сказал я. – Кажется, для похудения.

По лицу мужчины пробежала едва заметная хмурая тень, что казалось невозможным при таком напряжении мышц.

– А ты знаешь, Филип, как это работает? – спросил он, и

я уже не был уверен, что в его голосе нет угрозы.

– Я не знаю, но это не мое дело, – голос прозвучал тоньше, чем я планировал. – Я только раздаю листовки.

Я поискал взглядом друзей. Бартек, Яцек и Ушастый были на посту и терпеливо протягивали листовки. Никто из них не смотрел в мою сторону, но я все равно почувствовал себя увереннее.

– Прошу прощения, но у меня работа, – сказал я чуть более твердо.

Грустный мужчина не отреагировал. Он сделал шаг в мою сторону и прошипел:

– А ты знаешь, что стало с моей дочерью?

Где-то за моей спиной была бетонная стена с логотипом Лиги чемпионов, но, инстинктивно отступая, я все никак в нее не упирался.

– Не знаю, – ответил я осторожно. – В любом случае, я к этому не имею никакого отношения. Я только раздаю листовки.

– Ей было столько же лет, сколько тебе, Филип.

– Я только раздаю листовки, – повторил я.

– Она была красивая, умная, веселая...

– Я только...

Внезапно в глазах мужчины блеснула искра безумия.

– Дай сюда эту гадость! – рявкнул он и бросился на листовки.

Я рефлекторно поднял руку, и нападавший пролетел под

ней, как бык на корриде. Я развернулся на пятках и снова оказался лицом к нему. Он бешено буравил меня взглядом из-под кустистых бровей, шумно дышал носом и разве что не высекал подошвой искры на мостовой.

– Эй, простите! В чем дело? Что вы делаете? – испуганно бормотал я.

Он сделал еще один прыжок. Я молниеносно переложил листовки из левой руки в правую, он снова пролетел мимо, при этом зацепился за что-то ногой и распластался на земле. Его ярость вкупе с жалким бессилием казалась одновременно пугающей и смешной. Я нагнулся, чтобы помочь ему встать, и тогда он, еще лежа, резко потянулся к листовкам. Я попытался отнять руку, но он успел схватить меня за запястье. Мы некоторое время провозились – он пытался встать, я пытался освободить руку. Вокруг начали собираться люди.

– Что вы делаете? Оставьте мальчика! – испуганно закричала какая-то женщина.

Другие тоже кричали, но никто не решался вмешаться. Тем временем мне удалось вырвать руку и спрятать пачку листовок под полую расстегнутой куртки. Я стоял лицом к стене с граффити, защищаясь от противника спиной и отставленной пятой точкой. А тот скакал из стороны в сторону, пытаясь зайти спереди.

– Отдай! – орал он. – Убийцы!

Из-за невозможности достичь желаемого он совершенно потерял контроль над собой и как ребенок в истерике при-

нялся дубасить меня ладонями по спине. В конце концов со стороны Центрального вокзала прибежали двое полицейских, схватили его под мышки и оттащили на безопасное расстояние.

– Это какой-то псих! – объясняли люди. – Он бросился на мальчика и начал его бить! За решетку его! Сумасшедший!

Будто бы в подтверждение этих слов мужчина стал что-то орать про убийц, заговор и жадных воров, но, кажется, это окончательно убедило полицейских в оценке его психического состояния, и они вежливо, но решительно потянули его в сторону служебного авто.

– Он ничего тебе не сделал? – допытывался Бартек (скорее для поддержания разговора, потому что было очевидно, что я цел).

Ушастый и Яцек крутили головами и со смесью страха и восхищения бормотали:

– Е-мое! Вот это псих!

– Чего он от тебя хотел? – услышал я голос Драбовского.

Бартек позвонил ему, но Драбовский успел лишь к самому концу, и не понимал, с чего все началось.

– Он просто набросился на него! Попытался отнять листовки! Орал на всю «Сковородку»! – перебивали друг друга Бартек, Яцек и Ушастый.

– Эй, эй, спокойнее, не все хором, – присмирил их шеф. – Филип?

– Все так, – подтвердил я. – Он хотел, чтобы я отдал ему

флаеры. Постоянно твердил о своей дочери. Якобы с ней что-то произошло из-за этого «Слимомикса».

– Вот это псих! – прыснул Ушастый.

– Больной какой-то, – добавил Бартек, потом прозвучало еще несколько слов из богатого арсенала нашего языка, подходящих для описания нетипичной ситуации.

Кажется, только Яцек пытался принять во внимание другие аспекты печального события.

– А если с его дочерью действительно что-то случилось? – взволнованно спросил он. – И этот «Слимомикс» правда какой-то не такой?

Мы стали закатывать глаза на эти святошины страхи, но шеф отнесся к ним с вниманием и уважением. Он сказал, что мы, люди рекламы, имеем право на этические сомнения, но не можем разбираться во всем и иногда должны доверять авторитетам. Хотя, конечно, есть люди, которые всеми силами хотят это доверие подорвать. Они целенаправленно мутят воду, распускают слухи и портят имидж. На вопрос Ушастого, зачем им это, он ответил:

– Все просто. Чтобы уничтожить конкурентов. Они говорят: «“Слимомикс” плохой, но, к счастью, у нас есть “Витослим”».

Кажется, по нашим лицам он понял, что мы не слышали этого названия.

– «Витослим», – предвосхитил он вопрос, – еще одно средство для похудения, другого производителя.

Наступила тишина, пока мы переваривали слова шефа, в конце концов Яцек взволнованно спросил:

– То есть вы считаете, что человек, набросившийся на Филипа, работает на «Витослим»?

Драбовский неопределенно развел руками. Конечно, он не был уверен, но не удивился бы, если бы те ребята на такое пошли. Прежде чем уйти, он пообещал, что за этот день заплатит мне по двойной ставке.

Глава третья

Я воткнул иголку циркуля в станцию метро «Центр». Развел ножки на половину расстояния между ней и следующей станцией, то есть «Политехниковой» (если бы Рыжей было ближе туда, она не выходила бы на «Центре»). Прочертил на карте дугу, отрезанную линией Иерусалимских аллей. Кроме того, я отметил небольшой сектор на северной стороне Аллей, состоящий из мест, до которых было ближе от «Центра», чем от каких-либо станций второй линии метро. Получилась форма несимметричной двояковыпуклой линзы. Красными точками я отметил все лица, расположенные внутри линзы. Это были лица имени Гоффман, Замойского и Езераньского.

«Не так уж и много», – подумал я, и по моей спине пробежали приятные мурашки. Я встал из-за стола, сделал несколько кругов по комнате, чтобы немного успокоиться после прилива энергии.

Три лица – с этим нетрудно справиться. Если караулить у каждого по очереди, то максимум за три дня я узнаю, что мне нужно. При некотором везении уже в первый день – если сразу угадаю нужный лицей. Я не знаю почему, но готов был поспорить, что Рыжая учится в лучшем. То ли блеск в ее глазах, то ли тот наглый жест, то ли идеальные рыжие волосы, которые казались самым подходящим оттенком для необык-

новенного ума – со всем этим я как-то не мог ее себе представить в обычной школе. Проблема в том, что все три лица в моей линзе относились к лучшим в Варшаве. И эта проблема не единственная. Чем больше я ходил по комнате, тем отчетливее это понимал. С чего я взял, что Рыжая идет от метро «Центр» в школу пешком? Она ведь могла пересаживаться на трамвай и еще долго ехать в какой-нибудь лицей в районах Прага или Охота. Если так, то ищи ветра в поле. Кроме того, предположение, что Рыжая вообще ходит в лицей, я тоже сделал на основе сомнительных предположений. Она могла быть, скажем, студенткой. С такой-то рыжиной вполне возможно. Ученицей гимназии? Собственно, почему бы и нет. В гимназиях девчонки тоже бывают вполне себе ничего. Парикмахерша? Страховой агент? Тренер? Я вынужден был признать, что и это не исключено. Туристка из Гданьска? Польскоязычная путешественница из Монреаля? Я больше не чувствовал ни мурашек на спине, ни подрагивания мышц от предвкушения.

Я сел за стол, закинул на него ноги и глубоко вздохнул. Что за день! Все началось с этого чертового мужика на Сковородке. Мне раньше совершенно не приходило в голову, что раздача листовок может быть опасной. Я отдавал себе отчет, что в любом бизнесе есть конкуренция, но нападать на школьников, раздающих флаеры? Из-за всего этого мы опоздали на тест по математике. Мало того, что у нас было меньше времени, так еще и утренние эмоции не давали мне со-

средоточиться. Из пяти заданий я сделал только два, маловероятно, что этого будет достаточно. Хитрый план по поиску Рыжей улучшил мое настроение, но только на то время, пока казался удачным. Осознание его глупости раздавило меня еще больше. Ну и в довершение всего мне нужно было написать сочинение по польскому, а по немецкому выучить три листа слов на тему болезней и лечения. И уложиться надо было до восьми сорока пяти, потому что после зимнего перерыва возвращалась Лига чемпионов, и в одной восьмой финала «Реал Мадрид» играл с «Арсеналом».

«Кузнец своего счастья или лист на ветру – какая из этих метафор лучше описывает человека? Приведи аргументы из художественной литературы».

«Кто только придумывает эти темы!», – мысленно простонал я и для начала щелкнул ручкой.

«В своем сочинении я постараюсь доказать, что...» – написал я и подумал, что, может, лучше начать с немецкого. *Ich habe Kopfschmerzen* – у меня болит голова. Да, так и есть. *Zum Arzt gehen* – идти к врачу.

– Herr Doktor, – пробормотал я под нос, – bitte освободите меня от сочинения о человеке по состоянию здоровья.

Кстати, про состояние – интересно, а полностью ли восстановился после травмы Месут Озил³, а также, кстати, про освобождение – вдруг Рыжая в последнее время болела, потому я ее и не встречал, и, кстати, про сочинение – уже пя-

³ Немецкий футболист турецкого происхождения

тый час. Я тяжело вздохнул и снова взял ручку. Я написал: «...постараюсь доказать, что человек...»

Нет, на голодный желудок это делать невозможно! Я спустился на кухню, открыл упаковку кукурузных палочек. Когда позвонил Яцек, я был уверен, что он хочет спросить, кузнец или лист. Я собирался ему ответить, что неважно, только бы успеть до Лиги, но он даже не заикнулся про сочинение.

– Загугли «Слимомикс» и unaswmiescie.pl! – сказал он дрожащим голосом.

– Хорошо, – ответил я. – Когда придешь смотреть матч, напомни.

– Не когда приду смотреть, а прямо сейчас! – приказал он. – Скоро буду.

Он положил трубку, а уже через две минуты я услышал за окном скрежет колес и увидел эффектное торможение на мокрой дороге перед калиткой.

– Ты прочитал? – спросил Яцек, едва я открыл дверь.

– Да, два раза, – язвительно ответил я. – Я до компа дойти не успел.

Святоша припарковал велик на дорожке, прошел мимо меня через прихожую и направился прямо в мою комнату. Там, не спрашивая разрешения, он плюхнулся за комп, постучал по клавишам и отодвинулся, уступая мне место.

– Читай! – сказал он.

То, что показал мне Яцек, было похоже на интернет-издание районной газетки. Называлась она «У нас в городе»,

а от цветных надписей и мигающих картинок могла начаться настоящая *Kopfschmerzen*, если вдруг до этого ее не было. Больше всего бросалась в глаза (по крайней мере, мне) фотография симпатичной худенькой девушки, мило улыбающейся белой баночке, которую она держала в руках. Причину удовольствия поясняла надпись под фото: «Спасибо, «Витослим!»»

– Ну и что? – пожал я плечами. – Реклама дурацкая?

– Не это, – нетерпеливо поморщился Яцек. – Текст.

Между окошками с объявлениями и рекламами была втиснута статья.

«Еве было 16 лет. Хорошая, умная, любимая, всегда готовая помочь. Вдобавок стройная и красивая. “Из нее вышла бы прекрасная модель”, – твердили родителям соседки и знакомые продавщицы. А этот каскад золотых волос и голубые, как небо, глаза... “Эх, доченька, доченька, – вздыхает Януш, госслужащий и до недавнего времени отец. – Кто тебе запудрил мозги этими килограммами? Ты – и лишний вес?”

“Слимомикс” – гласила надпись на баночках, которые родители нашли в столе дочери. “Мы никогда не контролировали Эвочку, – утверждает мать. – Но ее поведение и внешний вид так нас напугали, что выхода не было”. “Запавшие глаза, потрескавшиеся губы, – вспоминает Януш. – А еще периодические приступы ярости, которые сменялись долгими периодами апатии”.

В поликлинику девушку заманили хитростью. Сказали, что это плановая диспансеризация в связи с шестнадцатилетием. Увидев ее, врач схватился за голову.

“Почему мы раньше не заглянули в ее стол!” В глазах Юланты блестят слезы. В больнице сообщили, что, обратись мы чуть раньше, у девушки был бы шанс.

Януш сидит на кухне и мнет в руках пластиковую баночку от “Слимомикса”. Он утверждает, что это помогает ему справиться с эмоциями. Остальные пузырьки он выбросил на следующий день после похорон. Оставил один. На память. На случай, если имя убийцы вылетит у него из головы».

– Что скажешь? – спросил Яцек, когда я закончил читать.

Он нервно смотрел то на меня, то на монитор, мне даже показалось, что у него слегка дрожит подбородок.

– Ну... не знаю, – пробурчал я. – Выглядит не очень.

– «Выглядит не очень»?! – взорвался он. – Чувак! На нашей совести жизнь девочки, а ты говоришь: «Ну не знаю»? На наших руках кровь!

Святоша с шумом плюхнулся на кровать и спрятал лицо в ладони.

– А я говорил! Я предупреждал! Это вы меня уговорили! – бился он в истерике.

Я почувствовал, как меня охватывает злость. Яцек брал деньги, как и все, а вину теперь пытается взвалить на нас! Да

вообще, какую вину? Мы кому-то что-то впаривали? Это наша вина, что в мире есть недобросовестные производители и продавцы? Мы виноваты не больше, чем забор с рекламами, доска объявлений или мегафон на машине!

– Возьми себя в руки! – рявкнул я. – Какая еще кровь. «Слимомикс» – это не какое-то ведьмино зелье. Его делали серьезные люди. А еще более серьезные проводили исследования. Ты думаешь, кто попало может продавать любую фигню? Ты что, бро! Мой дед фармацевт, он рассказывал, как это происходит. Знаешь, сколько тестов должна пройти каждая таблетка, прежде чем оказаться на рынке?

– Но та девушка... – пробормотал Яцек, сбитый с толку моей бурной реакцией.

– Да успокойся ты со своей девушкой! Я не знаю, понятия не имею, мне это неинтересно. На листовке была рекомендация Польской фарм-какой-то-там ассоциации? Была. Подписался какой-то профессор? Подписался. Чего ты хочешь? Профессора перепроверять? Это он должен разбираться в похудении, а не мы.

– Думаешь? – неуверенно спросил Яцек.

– Ну конечно! А тебя не смущает, что рядом реклама «Витослима»?

С этого мне следовало начать. Связь одного с другим просто бросалась в глаза. Бесстыдство этой уловки переходило все границы. То, что они выдумали всю историю, это одно, но помещать рядом собственную рекламу? Неужели кто-то

мог не раскусить такой примитивный ход?

Яцек немного помолчал, будто мысленно складывал сложный пазл.

– Хммм... – пробормотал он в конце концов. – Вроде Драбо-вский тоже что-то такое говорил.

Я сделал жест, подтверждающий верность аргумента, который Яцек озвучил.

– То есть ты считаешь, это все вымысел? – уточнил он.

– Конечно.

– Точно?

– Сто пудов, – заверил я.

* * *

Дедушка сидел, опершись локтями о подоконник и прижав к глазам бинокль – тот самый, с которым его отец в тридцать девятом году отправился на войну.

– Ну как там дела, дедуль? – спросил я, входя в комнату.

– Сегодня враг особенно активен, – сказал он.

Мамины родители жили недалеко. Примерно как Яцек, только в другую сторону. И это не случайно. В девяностых, когда на месте нашей улицы еще паслись коровы и никто не предполагал, что Варшава дотянется и досюда, дедушка с бабушкой довольно дешево купили приличный кусок земли. Они разделили его на три части: на одной построили дом, а две другие предназначались «на приданое» детям. Брат ма-

мы, дядя Артур, продал свой участок нашим нынешним соседям, а сам купил квартиру в районе Бемово. Мама сначала тоже не хотела здесь жить, но папа ее уговорил. Последствия этого решения коснулись всех будущих поколений Койтысов, то есть пока только меня. К этим последствиям относились приятные воспоминания из детства, проведенного вдали от городского шума, ежедневные долгие поездки в большой мир и семья под боком.

Я встал рядом с бабушкой и выглянул в окно. Во второй половине февраля день прибавлялся, и несмотря на то, что было почти пять часов, еще не совсем стемнело. На старой яблоне качалась деревянная кормушка, а все из-за крылатого гостя, который присел на краешек. Из-за тонкой перекладины был виден только его раздвоенный хвостик.

– Зеленушка, – прошептал бабушка так тихо, будто опасался, что любой звук громче шепота спугнет неприятеля.

На самом деле бабушка любил своих «врагов». Он сыпал им в кормушки самые разные лакомства, вешал сольце, делал шарики из смальца с зернышками и с огромной радостью приветствовал на пороге своего сада. Военный бинокль прадедушки всегда был у него в состоянии боевой готовности, как и ноутбук с табличкой в «Экселе», куда он записывал результаты наблюдений: вид птицы, пол, дату, час посещения сада, а также разнообразные замечания типа: «Щегол воротит клюв от проса», «Дубонос жрет как свинья» или «Усойки бандитские манеры». Данные из «Экселя» он потом

переносил на графики и схемы, которые складывались в разнообразные гипотезы, а те требовали, конечно же, последующих исследований в целях проведения эмпирической верификации. Эта научная деятельность была у нас дома темой для добродушных шуток, на самом деле все радовались, что, уйдя на пенсию, дедушка нашел занятие, заполнившее зияющую дыру от расставания с любимой лабораторией. В последнее время он был увлечен разработкой, как он это называл, «ловушки безопасности» для некоторых видов птиц.

Все началось с того, что в одну особенно ветреную ночь кормушка сорвалась с дерева. Но она упала настолько удачно, что не только не сломалась, но даже не растеряла ценного содержимого. Встав утром, дедушка, вместо того чтобы повесить кормушку на место, решил понаблюдать, будут ли наземную столовую посещать так же охотно, как и воздушную. Оказалось, нет. Птицам явно было неинтересно есть прямо с земли. А может, и интересно, но по каким-то причинам они считали это небезопасным. И дедушка сформулировал гипотезу, что дело в страхе перед Пипеткой, толстой кошкой, любимицей бабушки Мирки. Он повесил кормушку прямо над землей на длинном шнурке, второй конец которого привязал к ветке. Каждый день он перекидывал кормушку на шнурке через ветку таким образом, что шнур наматывался и немного поднимался над землей. В результате птичья столовая каждый день поднималась выше на несколько сантиметров, пока наконец однажды птицы не начали снова в нее при-

летать. Достаточно было измерить высоту, на которой теперь висела кормушка, чтобы определить минимальную ловушку чувства безопасности крылатых гостей. Однако дедушка все еще не был доволен. Он хотел определить, одинакова ли эта высота для разных видов птиц. Поэтому он продолжал наматывать шнурок и внимательно наблюдал, в какой момент вернутся чижики, в какой щеглы, а в какой снегيري.

– Метр пятьдесят, – сообщил дедушка, отрывая бинокль от глаз.

– Что «метр пятьдесят»? – спросил я.

– Ловушка безопасности для зеленушек.

– Ага! – серьезно сказал я. – И что? Теперь ты все знаешь?

– Ты шутишь? – фыркнул он. – Никогда нельзя знать все.

На самом деле, чем больше ты знаешь, тем больше понимаешь, как много не знаешь.

Я заметил, что это звучит довольно грустно, на что дедушка возразил:

– Наоборот. Это восхитительно. Ты открываешь двери, за ними следующие, и следующие, и потом еще парочка.

– И что еще ты хочешь исследовать? – спросил я без энтузиазма.

Это была ошибка. У дедушки загорелись глаза, а я вспомнил: двадцать сорок пять, «Реал» – «Арсенал».

– Сейчас расскажу, – начал он. – Пока мы знаем, какую высоту кормушки зеленушка считает достаточной, чтобы не бояться нападения Пипетки. Но Пипетка уже старая, толстая

и не очень ловкая. Если бы вместо нее в округе появился более активный кот, изменилась бы эта ловушка? Иначе говоря, птицы считают всех котов в одинаковой степени опасными и у них одна и та же стратегия безопасности в отношении всего вражеского вида или, может, они оценивают возможности каждого кота по отдельности и в каждом случае разрабатывают отдельную стратегию? Понимаешь?

– Ммм... – промычал я и решил воспользоваться случаем, чтобы изящно перейти к цели своего визита. – Кстати, про лишний вес, – начал я. – Как ты считаешь, таблетки для похудения – это хорошая идея?

Кажется, я переоценил изящность перехода, потому что дедушка подозрительно посмотрел на меня.

– А что? – спросил он. – Ты считаешь, что я слишком толстый, или хочешь дать их Пипетке?

Я почувствовал себя так, будто меня поймали на поедании варенья пальцем из банки, но сохранил невозмутимое лицо и заверил, что проблема эта интересует меня исключительно теоретически. Уж кто кто, а вот дедушка как раз должен понять необходимость теоретической проработки проблем. Кажется, он действительно понял и к тому же оценил, потому что посмотрел на меня серьезно и сказал сесть рядом.

– Спрашиваешь, хорошая ли идея – таблетки для похудения?

Я покивал.

– Ну знаешь, внук...

В том-то и дело, что я не знал, а знать хотел. Не то чтобы я, подобно Яцеку, считал, что, давая господину Икс листовку на улице, я беру ответственность за ее содержимое, за то, что господин Икс с ней сделает и что она сделает с господином Икс. В противном случае я бы никому не смог вручить рекламу «лучшего кебаба в городе», не попробовав предварительно все остальные. Каждый понимает, что «лучший кебаб в городе» должен быть как минимум кебабом, а вот будет ли он лучшим – это элемент игры, в которую играет с нами продавец-искуситель. Мир стоял бы на одном месте, если бы каждый все понимал так дословно, как Святоша. Однако было бы приятнее, если бы «Слимомикс» действительно способствовал похудению и при этом не убивал невинных подростков. Поэтому я с нетерпением ждал продолжения.

– По-моему, может быть по-разному, – закончил дедушка.

Я мысленно застонал, хотя этого можно было ожидать. Для дедушки все всегда от чего-нибудь зависит. У всего есть контексты, аспекты и перспективы. Какой-то кошмар, а не нормальная жизнь.

– Как именно «по-разному»? – недовольно пробурчал я.

– Зависит от многих вещей, – объяснил дедушка. – Во-первых, от того, зачем человек худеет.

– Ну как зачем? – фыркнул я. – Чтобы лучше выглядеть.

– Вот видишь, – дедушка чувствовал себя в своей стихии. – Ты говоришь, лучше выглядеть. А откуда известно, как именно лучше? Одним лучше одно, другим другое. Кро-

ме того, со временем вкусы меняются. В разных частях мира ценятся разные вещи. Может, иногда лучше кому-то сказать «тебе так хорошо в твоём теле», чем «вот тебе таблетка, и сделай что-нибудь с собой».

– Но ведь жир – это нездорово, – заметил я.

– Это правда, – дедушка стал посерьёзней. – Лишний вес мало кому идет на пользу. Но обычно достаточно просто оторваться от кресла. Зачем сразу что-то принимать? О, посмотри вот на Чипса, – стуча лапами по полу, в комнату забрел их десятилетний пес породы легавая. – Две прогулки в день, и даже бабушка не в состоянии его раскормить.

– То есть таблетки бесполезны? – я попытался подвести разговор к завершающей стадии, поглаживая Чипса по красивой коричневой шерсти.

– Ну... зависит.

– Боже, дедушка! – застонал я. – А ты не можешь просто сказать: да или нет?

Чипс, кажется, не хотел участвовать в беседе, потому что тихонько фыркнул и побрел в более интересные места.

– Иногда нельзя сказать вот так просто, – защищался дедушка. – Правда же зависит. От того, что в них, от того, кто их принимает, от того, что он делает помимо приема таблеток.

– Ну, например, так, – невинно сказал я, вытягивая из кармана листовку. Ту самую, которую несколько дней назад выкинула рыжеволосая девочка и которую я спас и непонятно

зачем сохранил на память в кармане. – Это мне дали на улице, и я забыл выкинуть, – сразу добавил я на всякий случай.

Дедушка опустил на нос очки, которые на время наблюдения в бинокль закреплял на белых волосах, и пробежал листовку глазами.

– «Слимомикс», – прочитал он. – На первый взгляд в составе ничего такого. Немного травок, и все.

– То есть он не работает?

– Зависит. У некоторых он может ускорить обмен веществ и немного снизить аппетит.

– То есть стоит принимать?

– Зависит. Если ты в дополнение будешь двигаться и правильно питаться, то он может немного помочь. Но если решишь, что таблетка решит все проблемы, и пренебрежешь всем остальным, то ничего не выйдет.

– А он может навредить? – я попытался зайти с другой стороны.

– Если из-за него ты забросишь активность и правильное питание, то таким образом может.

– Нет, я о том, может ли он вызвать какие-то заболевания? – уточнил я.

– Ну, знаешь, – дедушка скептически поморщился. – Я в составе ничего опасного не вижу, но никогда не знаешь, сколько человек может этого принять, пьет ли он другие препараты, чем болеет, какие у него склонности. На наше здоровье одновременно влияет много факторов, иногда доста-

точно одному из них немного измениться, и равновесие нарушится.

– Но это само по себе не опасно? – спросил я, чтобы в конце концов получить хоть какую-то пользу от всех этих рассуждений.

Дедушка покачал головой, что предвещало очередные рассуждения, поэтому я поскорее добавил:

– От него же не умирают?

– Ну... умирают вряд ли, – вздохнул в конце концов дедушка, который, видимо, был не в состоянии сказать просто «нет».

– То есть такой вот «Слимомикс» не такой уж и плохой, – нажал я.

– Ну знаешь...

– Да, да, знаю, что зависит, – молниеносно отреагировал я. – Но иногда может пригодиться, да?

– Ну... ИНОГДА может, – с трудом выдавил из себя дедушка.

Вечером я пересказал этот разговор Яцеку.

– Мой дедушка утверждает, что «Слимомикс» действительно работает, – сказал я. – И что эта история с девушкой – полная ерунда.

Да, знаю, я немного упростил ситуацию, но это было за пять минут до начала матча, нужно было изложить покороче.

«Реал» выиграл 2:0, а в сочинении я выбрал кузнеца, потому что в списке у меня была только одна книга.

Глава четвертая

– О, сегодня вторник или четверг. Спасибо, что напомнил.

– В смысле?

– Я всегда проверяю, тут ты или нет, если тут, значит, сегодня вторник или четверг.

– Да? Но я тебя с того первого раза больше не видел.

– Ну я немножко пряталась.

– Почему?

– Не хотела мешать. Ты всегда так занят.

– Ну что ты! Я бы дал тебе флаер. Пара лишних грошей для меня.

– Что сегодня раздаешь?

– Суши.

– Они правда такие вкусные, как написано?

– Не знаю. Может, сходим проверим...

Это было бы идеально (ну разве что суши можно было бы заменить чем-нибудь подешевле). Хуже, если бы мне пришлось начинать разговор.

– О, опять ты, – сказал бы я спокойно, если бы однажды она снова взяла у меня листовку.

– Опять? – удивилась бы она. – В смысле опять?

– Ну, как тогда?

– Когда?

– Ну тогда. «Слимомикс». Не помнишь?

Наморщенный лоб, пустой взгляд, пожатие плечами – признаюсь, такой сценарий тоже нельзя исключать.

Тем временем закончился февраль, потом пролетел март, а среди тысячи лиц, которые за это время промелькнули мимо меня, ни разу не было Рыжей. Не вернулся и грустный мужик, не повторилась атака, мы без особых приключений рекламировали ремонт молний, аварийное вскрытие автомобилей, помощь со взысканием задолженностей и астрологические консультации для бизнеса.

Все еще не было известно, кто выступит тридцатого мая в финале Лиги чемпионов, но после матчей одной восьмой финала стало ясно, что это не будет ни «Аякс», ни «Арсенал», ни «Челси», ни «Динамо Киев». Последняя команда проиграла «Ливерпулю» пять – ноль, и Яцек так возбудился, что три дня ходил по школе с красным шарфом. Не обошлось и без сюрпризов. Первый заключался в том, что после двухматчевого противостояния с ФК «Рома» вылетела «Барселона». Второй – что билеты на финал будут доступны лишь немногочисленному избранному, кому повезет в лотерею.

– Лотерею?! – заорал Ушастый, когда однажды Бартек об этом мимоходом упомянул.

– А ты что думал? – разозлился Бартек. – Все же не поместятся. Нужно как-то выбрать, кому продавать билеты. Ты бы знал, если бы немного погуглил вместо того, чтобы постоянно трепаться о своих галстуках.

Это был классический пример защиты через нападение.

Ушастый несколько дней очень активно поддерживал интернет-акцию «Антигалстук». Ее целью было обратить внимание общества на то, как много мы производим и накапливаем вещей, которые ни для чего не нужны. Галстуки – как утверждали антигалстучники – не греют, не защищают, не закрывают. Они – символ пустой траты креативности на производство бесполезных вещей. Чтобы открыть людям глаза, организаторы акции призывали публиковать в своих аккаунтах на «Фейсбуке» идеи использования галстуков. Чехол для удочки, защита кустов от морозов, поводок, скакалка, канат – это лишь самые очевидные способы, предложенные пользователями.

Ушастый лично и через интернет изводил нас просьбами поддержать кампанию, и нам это действительно уже порядком надоело, но это совершенно не отменяло того факта, что Бартек не рассказывал о лотерее.

Мы окружили его, приперли к стенке, а лица у нас были такие, что он, кажется, испугался, потому что поднял руки, будто хотел заслониться от ударов.

– Ну что? Чего вы хотите? – мычал он.

– Ты мог нам сказать, – процедил я.

– Я говорил.

– Не говорил.

– Говорил.

– Говорил он вам? – спросил я.

Ушастый и Яцек решительно замотали головами, что вы-

нудило Бартека пойти в контратаку.

– Но ведь это очевидно, что на всех не хватит, – зудел он. – Нужно же немного думать! Или читать правила, а не только ждать, что кто-то все за вас сделает!

Согласно правилам UEFA, у каждого болельщика есть право подать заявку на именной пригласительный билет для себя и одного сопровождающего. Нетрудно предположить, что количество желающих сильно превысит количество мест, поэтому шансы на успех в лотерее были мизерными. С того момента, как Бартек впервые посеял в наших умах допущение, что у нас есть шанс посмотреть финал вживую, это зернышко разрослось, напиталось и стало настоящей мечтой. Если недавно просмотр футбола с друзьями, колой и попкорном казался весьма привлекательным досугом, то теперь при мысли об этом щемило сердце. Поэтому нужно было отбросить злость на Бартека и спасти мечту. Три дня мы обсуждали это на всех переменах и в конце концов решили, что, когда придет время записи, каждый из нас подаст заявку, вписывая в качестве сопровождающего кого-то из оставшихся троих друзей, но так, чтобы комбинация не повторялась. То есть я должен был подать заявку на себя и Яцека, Яцек на себя и Ушастого, Ушастый на себя и Бартека, Бартек на себя и меня. Благодаря такой сложной комбинации шансы у каждого из нас выросли вдвое, как и наша вера, что нет такой системы, которую нельзя было бы победить при помощи хитрости, дружбы и лояльного сотрудни-

чества. Мы снова могли направить все наши силы на поиски средств.

У Бартека и Ушастого листовки разлетались как горячие пирожки. Может, потому что они не искали в толпе мифических созданий, а сосредотачивались на работе и вкалывали на полную. Когда, отработав смену, мы шли в школу, на их лицах читалось удовлетворение. Они рассказывали профессиональные анекдоты, хвалились, называя рекордные суммы. До тысячи листовок в день, правда, они немного не дотягивали, но для меня и текущие их результаты оставались недостижимыми. Когда меня прижимали к стенке и я вынужден был признаваться, сколько раздал, они делали озабоченные лица, но потом сразу принимались меня успокаивать, что времени еще достаточно. К счастью, был еще Святоша. На его фоне мои достижения были поистине впечатляющими. Он представлял собой неповторимый стиль колпортажа. Яцек раздавал листовки с таким лицом, будто пытался сплавить краденые часы. Он держал их близко к телу, будто хотел одновременно и показать, и спрятать от нежелательных взглядов. Конечно, именно у него под конец дня оставалось больше всего листовок.

– Ну откуда мне знать, что эти накладные ногти действительно крепкие, как у пантеры? – объяснялся он потом немного смущенно. – Я так не могу. Пожалуй, я брошу.

– Е-мое, Святоша, возьми себя в руки! – бесился Бартек. – Речь не о когтях, а о Лиге чемпионов! Заруби себе на носу!

– О Лиге чемпионов и о дружбе, – добавлял Ушастый. – Помнишь? Один за всех, все за одного. Мы вместе работаем, вместе идем, такой был уговор. А ты сливаешься. Хочешь все испортить? Хочешь предать лучших друзей? Отнять у них мечту? Это, по-твоему, высокоморально?

Мы тактично замолчали, оставляя Яцека один на один с его сложными переживаниями, а душа его бурлила, растягивалась, ворочалась, пока все острые палочки, колющие ее изнутри, не складывались так, чтобы позволить спокойно жить дальше.

– Кроме того, эти женщины из «Мира ногтей» тоже должны как-то зарабатывать, разве нет? – произносил он в конце концов с надеждой в голосе, а мы с энтузиазмом поддакивали:

– Именно!

Вот так совместными усилиями нам удалось провести Святошу через мрак сомнений и счастливо отбуксировать его в начало апреля, к последнему моменту, когда можно было подать заявку на розыгрыш билетов на финал «Лиги чемпионов».

* * *

– Ну что, сколько у вас? – спросил Бартек, но никто не хотел говорить первым.

Была пятница, уроки кончились, но мы еще не разошлись

по домам. Впервые в этом году по-настоящему пригрело солнце, и хотелось посидеть после школы на заборчике, который выкраивал в бетонной пустыни небольшой кусочек земли для жизни старого клена.

– А у тебя сколько? – ответил Ушастый.

Они с Бартеком были Неймарами⁴ колпортажа. Они отдавали себе отчет, что нет лучшего способа определить, кто больше Неймар, чем сравнить заработки. Отсюда этот интерес.

– Ты первый, – уперся Бартек.

– Почему я? – спросил Ушастый.

– Потому что я нашел работу.

– Ну и что?

– Ну и то.

В конце концов Ушастый сдался и с некоторым волнением сказал:

– Шестьсот пятьдесят четыре злотых и семьдесят два гроша.

– Что?! – закричал Бартек. – Ты из карманных добавил, да?

Ушастый покраснел от гнева.

– Я добавил?! Ничего я не добавлял! Ни гроша! – он ударил себя кулаком в грудь так, что кости затрещали.

– А! – вспомнил Бартек. – Я как-то болел и не раздавал. Тогда сходится. У меня шестьсот сорок восемь. Если бы я

⁴ Бразильский футболист, считается одним из лучших в мире.

тогда пришел, было бы больше.

– С чего ты решил? – заволновался Ушастый.

– Просто. Если добавить...

– Ладно, неважно, – внезапно прервал их Яцек. – Так или иначе, у нас слишком мало денег. Вам хотя бы немного не хватает, а у меня всего триста. Ну, что поделать – я хотел, я пытался, не получилось. Не знаю, как вы, но я сдаюсь. Впрочем, мне кажется, по телеку все равно лучше видно.

Капля оптимизма, заключенная в последней фразе, должна была хоть немного подсластить поражение, однако наоборот добавила ему горечи. Я мог бы, пожалуй, и посочувствовать Святоше, если бы не истратил весь запас жалости на себя. Мои четыреста шесть злотых – это, конечно, чуть больше, чем его три сотни, но все равно мне не хватало так много, что это уже не имело значения. Конечно, я и раньше знал, сколько у меня денег. И то, что я не успею собрать нужную сумму, уже несколько недель было для меня почти очевидным. Только вот для настоящей мечты этого «почти» было достаточно. В этом «почти» заключалась огромная надежда.

– Я тоже отпадаю, – обреченно сказал я, расставшись с последними иллюзиями.

* * *

От остановки до дома мы с Яцеком плелись в полном молчании. Бартек с Ушастым, прежде чем расстаться с нами у

метро, продемонстрировали весь свой талант убеждения, тот самый, который, по их словам, помог им в работе с рекламой. Они соблазняли, обольщали, угрожали, стыдили. Будто мы сами не знали, что на финальном матче Лиги чемпионов будет круто. Будто мы сами не понимали, что следующий такой матч пройдет в Варшаве в лучшем случае, когда мы будем на пенсии. Умники. Рассказали бы это моим четырём сотням. Уговорили бы их удвоиться. Интересно, они бы послушались? В конце концов Бартек посоветовал нам в мае внимательнее смотреть матч, потому что они развернут на трибунах плакат «Привет лопухам, которые могли тут быть, но предпочли остаться дома».

На нашей улочке в грязных лужах с тающим снегом отражались веселые облака, в ветвях деревьев птиц накрыло волной весеннего безумия, на грядках за заборами зелень возвращалась к жизни, преувеличенно разрекламированной. У калитки Яцека я сказал «пока», он тоже, и только тогда я с отчаянием произнес:

– Все равно у нас нет никаких шансов выиграть в эту лотерею.

– И что? – спросил Яцек.

– Может, все же запишемся? – размышлял я вслух. – Нас все равно не выберут, так хотя бы Бартек с Ушастым отцепятся.

– А если выберут? – уныло спросил он.

– Да не выберут.

– А если выберут?

– То есть не будем, да? – вздохнул я.

– Пока, – сказал Яцек и исчез за калиткой.

Я услышал, как он что-то буркнул своей собаке, которая радостно облаяла его вместо приветствия.

* * *

Когда осознаешь, что не увидишь своими глазами финал Лиги чемпионов, жизнь теряет смысл. Если раньше любое действие, даже шевеление пальцем, дыхание, пусть и не приближало к цели, но хотя бы заполняло время между текущим моментом и матчем, то теперь и дышать было незачем. Я бессмысленно сидел в комнате, бессмысленно пытался взяться за уроки, бессмысленно мне не хотелось, поэтому я бессмысленно пялился в угол на смятую бумажку, которая, видимо, не долетела до мусорной корзины. И хотя спокойно мог этого не делать, я нагнулся, развернул бумажку – ну почему бы и нет. А! Это та самая Гугл-карта с начерченной на ней линзой и тремя точками – тремя лицами вокруг «Сковородки». «Лицей Замойского» – вбил я в поисковик, чтобы хоть чем-нибудь себя занять. Я нашел страничку на «Фейсбуке», где были анекдоты, хвалебные посты и объявления – но, в первую очередь, фотографии. Я смотрел одну за другой, погружаясь в прошлое, сквозь слои минувших дней. Экскурсии, конкурсы, представления, выпускные – на каждой фо-

тографии улыбались десятки молодых лиц, а я смотрел им в глаза и искал зеленые, дерзковатые, немного осторожные, а немного игривые. Я спустился на три года вниз и, разочарованный, вернулся на поверхность. Если Рыжая ходит сейчас в этот лицей, нет смысла искать ее в более ранних записях. Впрочем, нет смысла искать вообще, что, конечно, не значит, что есть смысл не искать.

Будто мало мне было печалей, я вспомнил, что нужно отнести подшить брюки. К счастью, недалеко: к бабушке с дедушкой. Мама пожаловалась бабушке, что купила мне слишком длинные, придется возвращать, но бабушка сказала:

– Зачем возвращать? Если Филип занесет, я подошью.

Мне совершенно не хотелось этого делать, но что уж. Дверь открыли дедушка и Чипс. Бабушка копалась в саду. Я положил джинсы в прихожей и собирался сразу же уйти, но, чтобы не выглядело, что я отношусь к бабушке с дедушкой как к ателье, я спросил:

– Как дела, дедуль?

– А, ничего особенного, – сказал он. – Недавно для уверенности я повторил опыт с кормушкой. На этот раз на дубу в углу. Кажется, теперь я знаю, кто самые смелые птицы.

– Да? И кто?

– Чижики. Они прилетают поест даже на метр над землей.

Чипс решил, что приветствие окончено, и вернулся к своим занятиям в глубине дома, а я раздраженно проворчал:

– Может, они просто самые глупые, а не самые смелые.

– Ты так думаешь? – насупился дедушка. – Может, и так.

А у тебя есть идея, как это проверить?

Я глубоко вздохнул и сказал:

– Да какая разница, дедуль?

– Что-то случилось? – спросил он. – Ты какой-то расстроенный.

Я мычал, кривился, отворачивался, но в конце концов все рассказал. О финале, о лотерее, о том, что за листовки плохо платят и вообще жизнь ко мне не очень-то благосклонна. Дедушка предложил мне денег в долг.

– Сколько тебе не хватает? – спросил он.

– Нет, дедуль, ты что, – неуверенно проговорил я. – Ты знаешь, как я от мамы огребу за то, что тебя граблю?

– Так ты меня не грабишь, – обиделся дедушка. – Я тебе одолжу, ты отдашь, когда заработаешь. Когда у вас этот матч? В мае? До мая соберешь.

За одиннадцать недель раздачи листовок я насобирал чуть больше четырехсот злотых. Соответственно, нужно было еще около трехсот. До матча меньше восьми недель, и если мне удастся выдержать прежний темп, то я соберу сколько нужно – даже на хот-дог в перерыве хватит. Только вот еще будут праздники, какая-нибудь поездка, может (тьфу-тьфу), болезнь или другие форс-мажорные обстоятельства – несколько вторников и четвергов могут выпасть из графика. С другой стороны, можно взять сверхурочные. В понедель-

ники прогулять первые два урока английского. Англичанин четко дал понять, что мое присутствие на уроках не так уж и обязательно. Впрочем, все это не имеет особого смысла, у нас все равно нет шансов выиграть в лотерею. Когда я все это обдумал, дедушка достал откуда-то кошелек и снова спросил:

– Сколько?

Я принялся объяснять, что наличных пока не нужно. Достаточно указать в заказе номер карты, и, если повезет в лотерее, деньги автоматически снимутся, а если не повезет, то ничего и не произойдет. Ну, разве что выиграет кто-то из моих друзей, кто меня указал в заявке. Тогда, действительно, мне придется попросить наличные, чтобы отдать другу, а с дедушкой я рассчитаюсь, как он предложил.

– Но глупо все же у вас просить, – подытожил я.

– Ты же отдашь, – продолжал убеждать дедушка.

– Это займет некоторое время.

– Мы как-нибудь разберемся.

И что, нужно было отказываться? Думаю, дедушка мог бы даже расстроиться.

* * *

Увидев меня, Яцек удивился. Я сказал дедушке, что сейчас вернусь, поэтому несся со спринтерской скоростью. Мое учащенное дыхание предвещало что-то невероятно важное.

– Записываемся, – пропыхтел я, сразу переходя к делу. Дедушка пообещал одолжить мне денег. Я отдам, как только заработаю. Ты тоже можешь одолжить. Поговори с предками.

У родителей Яцека точно была такая сумма, а мне было очень важно втянуть его в эту авантюру. Во-первых, подавая две двойных заявки, мы повышали свои шансы в розыгрыше. Во-вторых, если бы Яцек согласился, мне было бы проще убедить самого себя, что я поступаю не безответственно. В конце концов, ему не хватало еще больше, чем мне.

– Нет, я, пожалуй, пас, – скривился Яцек, хотя я услышал в его голосе сомнение.

– Ну давай, будет круто! – давил я.

– Я знаю, но, пожалуй, нет.

– Следующий шанс появится разве что на пенсии.

– Родители не согласятся, – пробормотал он, и я понял, что он на крючке.

– Спроси! – искушал я. – Сложно что ли?

– Нет смысла.

– Попробуй, максимум не согласятся.

Он тяжело вздохнул, бросил на меня такой взгляд, будто я виноват, что он одновременно и хочет, и не хочет.

– Ну хорошо, – махнул он в конце концов рукой. – Подожди немного.

Яцек исчез в глубине дома, я остался на лестнице. Я смотрел на окно кухни, в котором появились близняшки – сестры

Яцек. Они плотно прижались к стеклу носами и языками, пытаясь напугать меня страшными рожицами. Я затрясся от ужаса и закрыл лицо руками. Они чуть животики не надорвали от смеха.

Яцек вернулся еще более нахохлившийся, чем уходил. Он определенно не хотел смотреть в мою сторону.

– Они согласились, – кисло сказал он. – Я еще пожалею.

Хотя Яцек очень старался придать себе угрюмый вид, он не мог скрыть блеск глаз, проглядывающий из-за грозовых туч.

Дедушка несколько удивился, что ему придется выложить деньги аж за два билета, но я его быстро успокоил. Во-первых, конечно, шансы на успех в лотерее минимальны, хотя и удваивались благодаря нашей хитрости. Во-вторых, даже если я каким-то чудом выиграю в лотерею, у Яцека будут припасены наличные, которые он тут же принесет, чтобы отдать дедушке. Я же со своей стороны заплатил бы то, что уже заработал, и до мая дедушке пришлось бы ждать только остаток стоимости моего билета. Если Яцек победит и будет платить картой своих родителей, то я отдам ему свои четыре сотни и остальные деньги, которые так любезно предложил мне дедушка, а я потом верну разницу.

– Я ничего не понял, – с улыбкой признался дедушка. – Но самое главное – чтобы ты понимал. Ну что? Идем к компьютеру?

В тот вечер на серверы УЕФА упали, наверное, сотни за-

явок на билеты Лиги чемпионов. О четырех из них мы точно знаем: от Бартоломея Козловского, который собирался взять с собой Петра Шторца, от Петра Шторца, который собирался взять Бартоломея Козловского, от Филипа Койтыса, который собирался пойти с Яцеком Святеком, и от Яцека Святека, который собирался пойти с Филипом Койтысом.

* * *

Ночью мне звонил Криштиану Роналду. Спрашивал, приду ли я на финал с «Баварией» Мюнхен. Я сказал, что очень хотел бы, но, к сожалению, не могу, потому что мне нужно раздавать флаеры с рекламой нового метода решения уравнений с четырьмя неизвестными, и Роналду должен понимать, какая это ответственность. Футболист умолял, чтобы я все же пришел, потому что без меня на трибуне «Реалу» ни за что не справиться с «Баварией». Я решительно отказался, поэтому он вызвался пойти раздавать листовки вместо меня, только бы я появился на стадионе. В конце концов я поддался на уговоры. Когда я сидел в вип-ложе, а Роналду стоял на «Сковородке», к нему подошла рыжеволосая девушка и спросила, где тот милый юноша, который работает здесь по вторникам и четвергам. «Зачем тебе какой-то юноша, если есть я?» – спросил Роналду, на что девушка смерила его взглядом и ответила: «Потому что у меня высокие требования, господин Роналду».

Глава пятая

Когда в понедельник я пришел в школу, Ушастый и Бартек выглядели не слишком подавленными неудачей с лотереей. Я застал их погруженных в дискуссию о том, у кого мы будем смотреть финал по телевизору. У Ушастого мало места, у Бартека отец фанат, у Яцека нечего пить, кроме колы, – может, у меня?

– Ужасно далеко, – ныл Ушастый.

– Тоже мне далеко! – бесился Бартек. – От метро всего несколько остановок на автобусе. Разве нет, Филип?

– Ну да, десятка полтора-два, – буркнул я.

– Ну и ладно. Приедем пораньше, потом в крайнем случае переночуем у тебя на матрасах, а? Как на Новый год. Святоша рядом живет, он к себе может вернуться. Или останется, если захочет. Что думаешь?

Они ждали ответа, а я прятал глаза. Переминался с ноги на ногу и нервно потирал щеку.

– Только... – промямлил я наконец. – Ну... есть одна маленькая проблема.

Речь шла о мейле, который я утром обнаружил в своей почте.

«Уважаемый болельщик, *UEFAChampionsLeague* с радостью информирует вас, что в результате лотереи была выбра-

на ваша заявка».

Я чуть не расцеловал монитор, когда это прочитал. Я показал распечатку ребятам и извиняющимся тоном добавил:
– Кажется, нас со Святошей не будет дома.

Они читали, морща лбы. По-английски, поэтому не до конца были уверены, что все правильно поняли. В конце концов Ушастый выдал:

– Вы же не собирались подавать заявки.

– Ну да, – сбивчиво объяснялся я. – Немного некрасиво получилось. Но мы решили в последний момент. Было уже слишком поздно, чтобы вам звонить. Мне жаль, ребята, что ваши заявки не выиграли.

Я боялся, что они обидятся. Что будет тяжелый разговор о предательстве и свинстве. Но Бартек лишь помотал головой и горько заявил:

– Дуракам везет.

– О, второй счастливчик идет! – понуро сказал Ушастый. – Смотрите, какой довольный.

Действительно, в конце коридора появился Яцек. При виде нас он еще издали начал махать кулаками и крутить задом в причудливом победном танце.

– Интересно, откуда он знает? – только и успел пробормотать я, когда он добежал до нас и радостно завопил:

– Ни за что не угадаете, что произошло!

– Вы идете на матч? – саркастически спросил Ушастый,

на что Яцек выпучил глаза.

– Откуда ты знаешь?

– Филип нам сказал.

– Что я выиграл билеты?

– В смысле?! – почти закричал я. – Ты тоже?!

Мы смотрели друг на друга, пытаюсь уложить в голове, и вдруг в момент озарения мы оба разразились смехом людей, поправших теорию вероятности.

– Ну что, господа, похоже, у нас четыре билета! – весело закричал я. – Если вы будете себя хорошо вести, может, мы с вами поделимся, да, Святоша?

Яцек подпер одной рукой бок, другой – подбородок и с наигранно серьезным выражением лица сказал:

– Ну не знаю, не знаю.

Воодушевление было испорчено злобным замечанием Ушастого:

– Кажется, вы забыли, что билеты именные.

Действительно, это несколько меняло положение вещей. Мы перестали смеяться и в замешательстве посмотрели на них.

– Ой, точно, – насупился Яцек. – И что? Их нельзя ни на кого переписать? Жалко. И нам придется отказаться от лишних, да?

– Я тебя расстрою, Святоша. – В глазах Бартека я заметил что-то вроде злобной усмешки. – Дело в том, что от этих билетов нельзя отказаться.

Я почувствовал некоторое волнение, но пока еще не страх.

– В смысле нельзя? – спросил Яцек. – Мы их не будем покупать, и все. – Но и его уже начали одолевать какие-то нерадостные предчувствия.

– Вы не можете не купить, если уже купили, – с некоторым удовольствием сказал Ушастый. – Вы ввели данные карт? Ввели. Деньги, вероятно, уже списали.

Я почувствовал, как у меня сжимается горло. Я в отчаянии посмотрел на Яцека. Он был белый, как стена.

– Но, если они нам не нужны, наверное, деньги вернут? – спросил он дрожащим голосом, но выражения лиц Ушастого и Бартека не оставляли надежды.

– Ну что вы расстраиваетесь, ребята? – сказал Бартек. – Круто иметь по два места. Будет куда дудку положить.

* * *

– Кретин, дурак, идиот! – бормотал Яцек всю оставшуюся дорогу домой, и я даже не хотел уточнять, кого он имеет в виду: себя или меня.

Дуракам везет – как же извращенно подтвердилась эта поговорка. Зачем нам это было нужно? Как нам пришло в голову заказать по два билета? Ну и что, что шансов меньше? И очень хорошо, что меньше! Максимум – мы бы просто не выиграли. По телеку видно лучше. А так? Вынь да положь

тысячу четыреста злотых!

– И как мы расплатимся?! – в отчаянии простонал я, а Яцек бросил на меня исподлобья злобный взгляд и вернулся к своим причитаниям:

– Кретин, дурак, идиот!

Если вычесть четыреста злотых, которые у меня уже есть, оставалась всего лишь тысяча злотых долга. Двадцать пять тысяч листовок! В голове возник образ горбатого старичка с бумажкой в трясущихся руках. За семьдесят лет ему удалось раздать двадцать четыре тысячи девятьсот девяносто девять листовок, и осталась одна, последняя. Он умоляюще протягивал ее пешеходам, но все равнодушно проходили мимо.

– Что теперь делать будем? – уныло спросил я.

Яцек прервал поток ругательств, встал, слегка расставив ноги, будто ему важно было сохранять устойчивую позицию, и прорычал мне прямо в лицо:

– Ты меня спрашиваешь, что мы будем делать?! Ты мог подумать об этом до того, как втянул меня!

Я ожидал поддержки, а получил удар. Это было как-то совсем неправильно.

– Я тебя втянул? – прошипел я.

– А кто еще?

– Ты сам хотел!

– Я не хотел! Ты меня уговорил!

– Ты мог не соглашаться!

– Я мог не слушать кретингов!

– Сам ты кретин!

– Нет, это ты кретин!

– У меня хотя бы есть четыре сотни, а ты и столько заработать не смог, жалкий святоша!

Когда Яцек это услышал, что-то в нем забулькало, будто он хотел разом сказать тысячу слов, но в конце концов не смог выдать ни одного. Он просто развернулся и пошел.

– Эй, подожди! – крикнул я, но он не остановился. – Яцек! Не дури! Я пошутил! Прости! Ну что ты обиделся, дурень!

* * *

После обеда я убрал со стола. Поставил грязные тарелки в посудомойку, включил ее, налил родителям чай, подсыпал сахар в сахарницу.

– Что-то случилось? – спросила мама.

У меня опустились руки. Как жить, если из-за обычной заботы тебя подозревают в корысти. Я ужасно жалел, что у меня действительно что-то случилось, ведь иначе я бы им показал, как мало они обо мне знают.

– Почему что-то должно случиться? – пробурчал я. – Ничего не случилось, но, если вы хотите знать, мне нужно немного денег. Я все верну, обещаю.

Эти их триумфальные улыбочки!

– Сколько тебе нужно? – спросил папа и начал ощупывать карманы в поисках кошелька.

Раз можно дважды выиграть в одну лотерею, может, удастся и одолжить у родителей тысячу злотых, не объясняя, на что. Цепляясь за эту надежду, я как можно более бесстрастно сказал:

– Где-то тысячу. Я раз-два и отдам. Я же работаю.

Папа перестал искать кошелек, а мама чуть не поперхнулась чаем.

– Сколько?!

– Ну нет так нет, – бросил я с обидой.

– Зачем тебе столько денег?

Я думал, что родители успокоятся, если я объясню, что это не для меня, а для дедушки, но я плохо оценил ситуацию. Они налетели на меня с такой яростью, что я все рассказал. Лекция, которую мне пришлось выслушать, была способна исправить целую банду малолетних преступников, но и этого было мало, чтобы развеять дурные предчувствия родителей относительно моего будущего. Когда они наконец перешли к деталям, я уже так отчетливо осознавал собственную ничтожность, что новость об удержании всех моих карманных денег в счет уплаты долга я воспринял практически с радостью. Папа поехал к банкомату снимать деньги, чтобы выкупить меня у дедушки, а мама тяжело вздохнула, взяла мобильный и стала звонить. Ох и досталось же дедушке! Что ему ударило в голову, да еще такая сумма, да я же еще ребенок и совершенно безответственный. Последнее задело меня больше всего.

Утром на остановке толпились люди в капюшонах, скрываясь от мокрой серости, а вороны на ближайшем тополе мерзко каркали на спешащих на работу. Сосед с портфелем, соседка с ребенком – стандартный вторничный набор, только Яцека было не видно. Я уже почти смирился с мыслью, что мне придется ехать на несчастную «Сковородку» в одиночестве, когда он наконец появился. Яцек прибежал в последний момент и встал рядом, тяжело дыша.

– О, ты все-таки идешь! – искренне обрадовался я.

Он посмотрел на меня со смиренным спокойствием и проговорил:

– А у меня есть выбор?

– Ну да, – уныло согласился я.

Собственно, я даже собирался извиниться за «жалкого святошу», но он вел себя так, будто вообще не помнил о вчерашней сцене, и я решил, что, наверное, не стоит об этом напоминать. К тому же и у него выдался нелегкий вечер. Думаю, он тоже наслушался про ответственность и другие признаки взрослого человека, которых, по мнению родителей, у него не было и которые, в добавок, вряд ли у него когда-нибудь появятся. Поэтому он был решительно настроен доказать, как глубоко они заблуждаются. Всю дорогу в автобусе Яцек рассказывал мне о том, какие он придумал методы по-

вышения эффективности раздачи листовок.

– Улыбка и еще раз улыбка, – повторял он с запалом. – И легкое движение кистью. Легкое, но решительное, да?

– А я-то почему знаю? – ворчливо откликнулся я.

– И еще буду раздавать в среду и пятницу в школе. По три часа. Как думаешь, шеф согласится?

Я на это рассчитывал. У меня были похожие планы. Я думал даже про субботу.

– И знаешь, что? – сказал он, когда мы уже пересели в метро. – Я решил, что вообще не буду смотреть, что на листовках.

– В смысле?

– Просто. Буду раздавать не глядя. Я ничего не знаю, я просто конвейер, автомат, машина. Ты был прав, нельзя сильно задумываться.

– Я ничего такого не говорил, – запротестовал я.

– Говорил.

– Может, Ушастый и Бартек, но не я.

– Ты тоже.

– Когда?! – оскорбленно воскликнул я. К счастью, мы как раз подъехали к станции «Центр», иначе не знаю, чем бы закончился этот разговор.

Мы вышли вместе с заспанной толпой, которая подхватила нас, как весенняя река, и увлекла в сторону эскалатора вверх, к дневному свету. Мы прошли через «Сковородку» и подземный переход, оказались на другой стороне Иеруса-

лимских аллей. Перед магазином этно-товаров мы растерянно замерли: на том месте, где обычно парковалась бежевая «Октавия», было пусто.

* * *

То, что мы встали ни свет ни заря и напрасно проехали через полгорода, Бартеку показалось скорее забавным.

– Драбовский же говорил, что сворачивается, – сказал он, когда мы наткнулись на него в раздевалке перед первым уроком. – Говорил же, да, Ушастый?

– Конечно, говорил.

– Интересно, кому? – нахмурился Яцек, на что Бартек сделал удивленное лицо и спросил:

– В смысле? Он вам не говорил?

– Ну, видимо, забыл, – язвительно ответил я. – А вы не могли нам рассказать?

– Ой, вы были так ослеплены своим двойным везением, что мы решили не портить вам настроение, да, Ушастый?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.